

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

STRUCTURAL-SEMANTIC FEATURES OF THE COMPLEX PROCESS IN KUMIKSKY LANGUAGE

**A. Saidov
N. Gadjiahmedov
A. Rashidov**

Summary. The article deals with the structural and semantic features of the compound sentence in the Kumyk language. The main attention is paid to the analysis of the subordinate determinative, which is still controversial throughout Turkic studies.

Based on a comparison with the Russian language, the trace of which has been preserved in the syntax of the Kumyk language, the authors, pointing to the structural and semantic features of the Kumyk clause, make an attempt to substantiate the criteria for its isolation and delimitation in the Kumyk language, which are presented in different publications in different ways, which introduces confusion in their study not only on a scientific level, but also in school and university courses. The article emphasizes that in the Kumyk language, the adjective determinative (and participial turns), unlike the Russian language, are never intonationally distinguished and not isolated on the letter, in addition, certain kinds of appendages of the defining Russian language do not have corresponding constructions in the Kumyk language and vice versa. Personally, the authors translated examples from their native language into Russian.

Keywords: Kumyk language, compound sentence, semantics, subordinate determinative, transitive constructions, subject, predicate, affixes of affiliation, intonation, word order.

Саидов Абдулкерим Магомедович

К.п.н., доцент, Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН

abdul_1950@mail.ru

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович

Д.филол.н., профессор, Дагестанский государственный
университет

nur1@yandex.ru

Рашидов Агаверди Алиевич

К.филол.н., доцент, Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра
РАН

Agaverdi.rashidov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности сложноподчиненного предложения в кумыкском языке. Основное внимание уделено анализу придаточного определительного, которое до сих пор остается спорным во всей тюркологии.

На основе сопоставления с русским языком, след которого до настоящего времени сохраняется в синтаксисе кумыкского языка, авторы, указывая на структурно-семантические особенности кумыкского придаточного определительного, делают попытку обосновать критерии его выделения и разграничения в кумыкском языке, которые преподносятся в разных публикациях по-разному, что вносит путаницу в их изучение не только на научном уровне, но и в школьном и вузовском курсах. Статья подчеркивает, что в кумыкском языке придаточные определительные (и причастные обороты), в отличие от русского языка, никогда интонационно не выделяются и не обособляются на письме, кроме того, некоторым видам придаточных определительных русского языка нет соответствующих конструкций в кумыкском языке и наоборот. Лично авторами переведены примеры с родного языка на русский.

Ключевые слова: кумыкский язык, сложноподчиненное предложение, семантика, придаточное определительное, переходные конструкции, подлежащее, сказуемое, аффиксы принадлежности, интонация, порядок слов.

В кумыкском языкознании синтаксис стал предметом исследования относительно недавно, если не считать первой «Грамматики кумыкского языка» Н.К. Дмитриева, которая до сих пор считается единственной научной грамматикой кумыкского языка, где освещаются и вопросы синтаксиса [11]. Задолго до этого Т. Макаров издает «Татарскую грамматику кавказского наречия» [17], где впервые в кумыкском языкознании рассмотрены некоторые аспекты синтаксиса кумыкского языка. Долгое время вопросы синтаксиса оставались освещенными лишь в школьных учебниках.

В 1980 г. А.З. Абдуллаева защитила кандидатскую диссертацию по сложноподчиненному предложению (СПП) кумыкского языка [3]. Работа не лишена влияния русского языка, вследствие чего допущены погрешности в отражении специфики сложноподчиненного предложения кумыкского языка. Сокращенный вариант данной диссертации вошел в коллективную монографию «Современный кумыкский язык» [1].

Основные усилия современных исследователей кумыкского языка были направлены на разработку во-

просов фонетики, морфологии, лексики, диалектной системы кумыкского языка. Таковыми являются свыше двадцати кандидатских диссертаций, защищенных в последние пятнадцать лет, синтаксису кумыкского языка из них посвящено три диссертации, которые изобилуют противоречивыми трактовками изучаемых вопросов, требуют доработки и уточнений [3; 6: 18; 22]. Другие работы по синтаксису в основном носят методический характер [2; 19; 23]. Все названные выше работы не лишены влияния синтаксиса русского языка, что во многом и является причиной их недоработок. Таким образом, в кумыкском языке, в целом эта проблема до сих пор остается неисследованной на монографическом уровне, в то время как во многих тюркских языках она не является актуальной, хотя спорные вопросы по синтаксису во всей тюркологии остаются. Например, точки зрения известных исследователей Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. З. Гаджиевой и др. относительно вопроса «есть ли вообще в тюркских языках придаточное определительное или нет», не совпадают. К ним в первую очередь относятся вопросы, связанные с классификацией односоставных предложений, разграничением некоторых видов СПП и др.

По мнению многих исследователей, в тюркских языках большинство сложных предложений возникло на базе простого предложения, что особенно характерно для конструкций, выражающих подчинительные отношения между их частями. Как отмечает А. Н. Кононов, «подчиненное предложение вырастает изнутри простого, как результат грамматического развития одного из членов простого предложения» 16, с. 217].

Н. З. Гаджиева, Серебренников Б. А., анализируя исторический ход развития сложного предложения, условно выделяет три этапа: «1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, образцов несовершенных трансформ, разнообразие переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходный импульс развития которых следует искать в самом раннем периоде исторического развития — в факте объединения двух предложений по способу примыкания» [10, с. 394].

Н. К. Дмитриев в своей «Грамматике кумыкского языка» по этому поводу пишет: «Из среды причастных и деепричастных оборотов мы склонны выделить такие, в которых при причастии и деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от остальной части фразы. Хотя такие обороты не удовлетворяют одному из основных признаков придаточного (сказуемого в форме лица), однако мы склонны считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа; в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обо-

значающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим» [1, с. 193], хотя на другой странице этого же издания автор называет такие конструкции причастными оборотами: «В отличие от разнообразных конструкций оборот *мен гелгенде сен уйде ёкъ эдинг* — «когда я пришел, тебя не было дома» мы не склонны считать придаточным. Это причастный оборот, поскольку *мен гелгенде* неформально выражает то же, что и соответствующая ему эквивалентная форма *мени гелгенимде* или просто *гелгенимде*. Здесь, таким образом, *мен* выступает единственный раз как неопределенный падеж личного местоимения, а формы *мен гелгенде* и *мени гелгенимде* надлежит рассматривать как стилистические параллели. Оба оборота (*мен гелгенде*, и *мени гелгенимде*), по существу, означают «при моём приходе» [1, с. 194].

Таким образом, Н. К. Дмитриев описанную выше формы в кумыкском языке не относит к придаточным предложениям времени и считает их причастными оборотами, образовавшимися на базе членов предложения, которые не всегда могут быть сложным предложением в принятом понимании данного грамматического явления, т.е. не имеют в своем составе или не могут иметь отдельное подлежащее.

Проанализируем приведенное предложение с точки зрения структуры и семантики: *Мен гелгенде, сен уйде ёкъ эдинг* [5, с. 47] «Когда я пришел, ты отсутствовал дома (тебя не было дома)». Как в русском, так и в кумыкском языке данная конструкция является СПП с придаточного времени. Ее нельзя и перевести по-другому. Здесь придаточная часть *мен гелгенде* «когда я пришел» соединяется с главной частью при помощи аффикса местного падежа *-де* и относится к сказуемому главной части *ёкъ эдинг* «не было».

Как и в русском, в данном предложении сказуемое придаточной части *гелгенде* не имеет аффикса лица. При данном сказуемом подлежащими могут выступить личные местоимения всех трех лиц: *мен гелгенде* «когда я пришел», *сен гелгенде* «когда ты пришел», *о гелгенде* «когда он пришел».

Здесь мы разделяем точку зрения У. Б. Алиева, который полемизирует относительно определения СПП с придаточным времени в кумыкском и карачаево-балкарском языке: «Карачаево-балкарский язык близок к кумыкскому, однако те конструкции, о которых Н. К. Дмитриев пишет, как о причастных оборотах, мы уверенно относим к придаточным предложениям времени, поскольку личные местоимения *мен*, *сен* и т.д. в них никогда не встречаются в форме родительного падежа» [7, с. 345–346].

Отметим, что вторая форма *мени гелгенимде*, которая переведена Н.К. Дмитриевым как «при моем приходе» [там же] имеет совершенно другую семантику. Кроме того, ни в русском, ни в современном кумыкском языке такой формы нет.

Наибольший интерес в этом плане представляют СПП с придаточными определительными. В тюркологии до сих пор существуют разные точки зрения относительно вопроса придаточных определительных как отдельного вида сложноподчиненных предложений. Одни ученые считают развернутые обороты распространенными членами предложения, другие — переходными СПП, третьи — СПП [10, с. 94–95].

Не все придаточные определительные кумыкского языка могут передаваться на русском и сложным, и простым предложениями. Рассмотрим примеры:

1. *Заман гелир халкъ кюрлюкде яшайгъан* [12, с. 248] «Настанет время, когда народ будет жить благодатно».

2. *Ол яшагъан уй юртну оър ягъында ерлешген* [8, с. 12] «Дом, в котором (/ где) он жил, находится в верхней части села».

В отличие от первого примера, данные конструкции в кумыкском языке рассматриваются как СПП с придаточным определительным: 1) *халкъ кюрлюкде яшайгъан* — со сказуемым, выраженным причастием настоящего времени с аффиксом *-йгъан*; 2) *ол яшагъан* — со сказуемым, выраженным причастием прошедшего времени с аффиксом *-гъан*. Предложения переводятся на русский язык только, как СПП с придаточным определительным. В них придаточное определительное невозможно передать причастным оборотом русского языка. Функцию русских союзных слов *который*, *где* в кумыкском языке в таких конструкциях выполняет аффикс причастия прошедшего времени на *-гъан* / *-ген*, который «полностью совпадает с личной формой глагола 3 л., ед. ч. прошедшего времени и может выступить как сказуемое придаточного определительного предложения» [21, с. 99].

Надо отметить, что каждая из приведенных выше точек зрения известных тюркологов относительно выделения и разграничения придаточных определительных имеет определенную грамматическую логику, вытекающую из особенностей синтаксического строя тюркских языков. Такое расхождение во мнениях ведущих тюркологов происходит вследствие недостаточной разработанности многих вопросов данного раздела синтаксиса.

Такая неопределенность структурно-семантических особенностей СПП, разные подходы к их толкованию

в целом негативно отражается на изучении синтаксиса в школьном курсе. В учебниках и методических пособиях разных лет изданий СПП с придаточными определительными преподносятся по-разному, иногда их и не включают в учебники [13, 14, 20]. Не только учащиеся, но и многие учителя затрудняются определить или неправильно определяют типы СПП, смешивают их с простыми предложениями, осложненными распространенными второстепенными членами предложения.

Рассмотрим примеры.

1. *Сагъынаман гёзлерингни къайгылы мени гёрген сайын яшдан толагъан* [15, с. 96] «Тоскую по глазам (твоим) печальным, наполняющимся слезами при виде меня».

Данное предложение в кумыкском языке с грамматической точки зрения — простое с распространенным определением, выраженным причастным оборотом, с обратным порядком слов, который в кумыкском языке встречается только в поэтических произведениях. Логически оно близко к СПП с двумя предикативными центрами: *къайгылы гёзлеринг мени гёрген сайын яшдан тола* «глаза (твои) при виде меня наполняются слезами» и *сагъынаман гёзлерингни къайгылы* «тоскую (я) по глазам (твоим) печальным».

На русском языке оно может передаваться разными в структурно-семантическом отношении конструкциями в зависимости от категории одушевленности-неодушевленности определяемого существительного, эмоционально-стилистических целей употребления:

1) Простым распространенным предложением с причастным оборотом: Тоскую по глазам (твоим) печальным, наполняющимся слезами при виде меня;

2) СПП с придаточным определительным: Тоскую по глазам (твоим) печальным, которые наполняются слезами при виде меня;

3) ССП с несколькими придаточными (в нашем случае с придаточными определительным и времени с последовательным подчинением): Тоскую по глазам (твоим) печальным, которые наполняются слезами, когда вижу меня.

2. *Атасы давда болгъан яш бизге хыйлы хабарлады* «Мальчик, отец которого был на войне, много нам рассказал».

3. *Давда болгъан яш бизге хыйлы хабарлады* «Мальчик, бывший на войне, много нам рассказал» и «Мальчик, который был на войне, многое нам рассказал».

В первом предложении первая его часть *атасы дав-да болгъан* «отец, бывший на войне» относится к определяемому существительному-подлежащему в главной части. Если эту часть рассмотреть отдельно с точки зрения характеристики простого предложения, то она выражает логически вполне законченную мысль, т.е. подлежащее и сказуемое находятся в предикативных отношениях, что является основным условием для формирования предложения. На русский язык данное предложение переводится только как ССП с определительным придаточным.

Во втором предложении опущено подлежащее первой части *улары* «сын», остальные слова сохранены, сохранён и их порядок, однако предложение стало простым с распространённым определением к подлежащему *къарт* «старик», выраженным причастным оборотом *давда болгъан* «бывший на войне». На русский язык данное предложение переводится двояко: и как сложное, и как простое (в отличие от первого случая: см. выше). На такое разграничение СПП с придаточными определительными в кумыкском языке указывал Н.К. Дмитриев: «Необходимо, чтобы причастие, в котором приходится видеть сказуемое придаточного, логически было связано со своим подлежащим, а не с каким-либо членом главного предложения» [11, с. 201].

4. *Биз яшайгъан юрт Солакъ озенни ягъасында ерлешген* «Селение, в котором мы живём, расположено на берегу реки Сулак» [8, 38].

5. *Гъабижай чачылгъан авлакъ — эки татавулну арасында* [8, с. 94] «Поле, которое засеяно кукурузой (возможно: засеянное кукурузой), — между двумя канавами».

Первое из этих предложений переводится на русский только как СПП с придаточным определительным, второе — как СПП с придаточным определительным и простое с причастным оборотом.

В кумыкском языке определить их принадлежность к какому-либо типу простых или сложных предложений вызывает затруднения: в русском языке они — СПП с придаточными определительными, а в кумыкском языке назвать их сложными предложениями можно условно: части настолько тесно связаны с определяемыми подлежащими в «главных частях», что трудно определить их границы по смыслу и по интонации.

Близки по своим характеристикам к таким видам СПП конструкции, в составе которых сказуемыми придаточной части выступают предикативные слова *бар* «есть», *ёкъ* «нет».

Проанализируем предложение: *Билими бар адам яшавда не заманда да ёл табын бола, билими ёкъ адамгъа буса нечакъы да къыйын* [5, с. 73] «Человек, который имеет /имеющий/ образование, всегда найдёт в жизни дорогу, но человеку, который не имеет /не имеющему/ образования, приходится очень трудно». Данное предложение относится к типу смешанных СП с сочинением и подчинением. Оно состоит из четырех частей, первые две из которых соединены с последующими двумя частями с помощью сочинительного (противительного) союза *буса* «но». И первые, и вторые части по отдельности представляют собой СПП с придаточными определительными одинаковой структуры, сказуемые которых выражены модальными словами: *бар* «есть» (утверждение) — в первом случае, *ёкъ* «нет» (отрицание) — во втором случае. В таких СПП предикативность придаточных частей выражается в большей степени, чем в СПП, где связующим элементом выступает причастие. Однако их всех объединяет то, что в них придаточные части как бы синтезируются с ними, т.е. выражаются неявно (имплицитно). В них придаточные части не отделяются какими-либо знаками препинания от главных, между ними отсутствует пауза, присущая другим типам СПП, что, по нашему мнению, и является основной причиной существования разных точек зрения относительно выделения их в отдельный тип СПП. В кумыкском языке в СПП с определительными и объектными отношениями, где средствами связи служат падежные аффиксы, знаки препинания не ставятся. В таких сложных предложениях смысловые отношения между главной и придаточной частями очень тесные, отсутствует пауза, присущая другим типам сложных предложений:

1. *Къану ачылгъанда // Тайфун чабын алдыбызгъа гелди* [4, с. 13] «Как только открылись ворота, Тайфун подбежал к нам» и *Жалал гимназияны абзарына гиргенде // яшлар, муну айланьп алып, тергевлю кюйде къарамагъа башлады* [7, с. 34] «Когда Джалал вошёл во двор гимназии, дети, окружив его, стали внимательно рассматривать». Данные предложения являются СПП с придаточного времени. Придаточные части уточняют время действия главных предложений, что достигается прибавлением к препозитивному сказуемому, выраженному настоящей — прошедшей формой глагола, аффикса местного падежа *-да / -де*, после которого знак препинания не ставится. До последнего времени в учебниках по кумыкскому языку в таких СПП, где средством связи служит аффикс местного падежа *-да / -де*, части отделялись запятой. И это, на наш взгляд, было правильным: при чтении таких предложений после придаточной части делается естественная пауза, вытекающая из потока речи, и по правилам пунктуации ставится запятая.

2. *Сен гелгенни биз анив гёрдюк* «Мы обрадовались тому, что ты пришёл» и *Язбаш геч гелгенге авлакъ*

ишлер де геч башиланды «Из-за того, что весна наступила поздно, и полевые работы начались поздно». Оба предложения — с придаточными дополнительными, соединенными: в первом случае — аффиксом винительного падежа *-ни*, во втором — аффиксом направительного падежа *-ге*. В обоих случаях придаточные части не отделяются от главных какими-либо знаками препинания; между ними отсутствует пауза. Придаточные части, как и в СПП с придаточными определительными, синтезируются с ними.

Кроме синтетических, в языке существуют и аналитические формы СП, обусловленных особенностями структуры придаточных предложений и средств подчинительной связи. Например: 1. *Гюн батын, биз агъачлыкъдан чыкъдыкъ* [5, с. 56] «Мы вышли из леса, когда солнце село». 2. *Къайдан ел чыкъса, булутлар да шоякъдан геле* [5, с. 58] «Откуда дует ветер, оттуда и тучи появляются». 3. *Мен тангала сизге гелип болмайман, неге тюгюл экзаменим бар* [4, с. 98] «Я не могу завтра к вам приехать, потому что у меня экзамен». В данных СП в обеих частях наличествуют грамматические основы предложений, подчинительная связь выражена аналитически, т.е. в явной (эксплицитной) форме. Средствами подчинительной связи служат: в первом предложении — аффикс деепричастия — *ын*, во втором — аффикс условного наклонения глагола — *са* и в третьем — союзное слово *неге тюгюл* «потому что». Для строя кумыкского языка в большей степени характерны синтетические типы СПП.

Все эти моменты, как было отмечено, негативно отражаются и на работе учителей. К примеру, рассмотренные выше предложения были рекомендованы нами для синтаксического разбора учителям на курсах повышения квалификации: ни один учитель не смог выполнить полностью задание правильно. Затруднения заключались прежде всего в определении структурных особенностей предложений. Все эти недостатки являются следстви-

ем недостаточной теоретической разработанности вопросов синтаксиса не только сложного, но и простого предложения в кумыкском языке, порождают разный подход к их классификации в школьных учебниках. Сложившаяся ситуация с пунктуацией СПП в кумыкском языке вводит в заблуждение учащихся, которые переносят правила пунктуации СП из русского на кумыкский язык и во всех типах СП употребляют знаки препинания. Такое же явление можно встретить на страницах газет, журналов, в художественных произведениях. Пора привести в систему правила употребления знаков препинания в СПП кумыкского языка в соответствии с их структурно-семантическими особенностями. Существующие расхождения в этом вопросе в кумыкском и русском языках создают дополнительные затруднения в обучении языкам, вызывая ошибки интерферентного характера.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в кумыкском языке придаточные определительные (и причастные обороты вообще, кроме редких исключений в поэзии), в отличие от русского языка, никогда интонационно не выделяются и не обособляются на письме. Эти конструкции выступают, как «спаянный элемент» определяемых имен в главной части предложения. Однако, несмотря на противоречивые взгляды исследователей на сущность придаточных определительных в плане их выделения в тюркских языках, мы однозначно можем констатировать, что в кумыкском языке наряду с другими видами придаточных предложений, существуют и придаточные определительные.

В одной статье не представляется возможным охватить и раскрыть все структурно-семантические особенности кумыкского СПП. Проблема остается и требует монографического исследования в сравнительно-сопоставительном плане с другими тюркскими и русским языками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева А. З. Къумукъ тилдеги иерчен къошма предложениеиени школада уйиренив. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. 148 с.
2. Абдуллаева А. З., Гаджихмедов Н. Э., Ольмесов Н. Х. Современный кумыкский язык. Махачкала: «Алеф», 2014. 557 с.
3. Абдуллаева А. З. Сложноподчиненное предложение в современном кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Баку, 1973. 31 с.
4. Абуков М. Бугюнню тангаласы. Махачкала: Даггиз, 1979. 280 с.
5. Абуков К. Гъали де давда йимик. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1989. 152 с.
6. Агаева И. Г. Простое осложненное предложение в современном кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2010. 24 с.
7. Алиев У. Б. Избранные труды. В трех томах. Том II. Синтаксис карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2012. 368 с.
8. Атаева З. Бир увуч топуракъ. Махачкала: Даггиз, 1982. 149 с.
9. Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: Наука, 1973. 408 с.
10. Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1986. 283 с.
11. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л.: «Наука», 1940. 203 с.
12. Йырчы Къзакъ. Заман гелир. Магъачкъала: Изд. «Новый день», 2001. 288 с.
13. Керимов И. А., Абдуллаева А. З. Къумукъ тил. 8–9 класлар учун дарслыкъ: Синтаксис. Магъачкъала: Изд. НИИ педагогики, 2011. 157 с.

14. Керимов И. А., Магомедов А. Г. Къумукъ тилни грамматикасы: Синтаксис. VII–VIII класслар учун учебник. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 152 с.
15. Керимова Ж. Иланкъыз. Махачкала: Дагучпедгиз. 1991. 192 с.
16. Кононов А. Н. Грамматика турецкого языка. М.-Л.: «Наука», 1941. 312 с.
17. Макаров Т. Н. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис, 1848. VII + 143 с.
18. Муташева А. К. Обстоятельство в современном кумыкском языке. Дис. канд. фил. наук. Махачкала, 1998. 160 с.
19. Муташева А. К., Абдуллаева А. З. Къумукъ тилде экинчи даражалы уьюрлени уьйренив. Магъачкъала: Изд. ДГПИ, 1999. 147 с.
20. Оьлмесов Н. Х., Гъажиагъматов Н. Э. Къумукъ тил. 10–11 класлар учун. Магъачкъала: Изд. НИИ педагогики, 1994. 168 с.
21. Саидов А. М. К вопросу различения словосочетания и предложения в кумыкском языке // Вопросы лингвистической типологии: Махачкала: Изд. ДГУ, № 1, 2012. 136 с.
22. Саидова Г. С. Структура и функционирование главных членов предложения в кумыкском языке: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Махачкала, 2005.
23. Шахманова-Гарданова К. Х. Изучение простого предложения в кумыкской школе. Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. 167 с.

© Саидов Абдулкерим Магомедович (abdul_1950@mail.ru),

Гаджихмедов Нурмагомед Эльдерханович (nur1@yandex.ru), Рашидов Агаверди Алиевич (Agaverdi.rashidov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дагестанский государственный университет